

С. Е. МАЛОВ

ТЮРКИЗМЫ В ЯЗЫКЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

...Некоторые места («Слова о полку Игоре»)¹ остались темны или вовсе не вразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим.

А. С. Пушкин.

Соч., изд. Ф. Павленкова, ред. А. Скабичевского, 4-е изд., СПб, 1897, стр. 1370.

Этой статьей мне хочется отдать благодарную дань памяти покойных акад. Ф. Е. Корша и проф. П. М. Мелиоранского за их образцовые этюды по тюркским элементам в языке «Слова о полку Игоре»². Вместе с тем мне хотелось бы и узнать от читателей строгую, но справедливую критику на свои посильные догадки (Ср. П. М. Мелиоранский, 1902 г., стр. 1—2)³.

В «Слове о полку Игоре» имеется несколько стихов-строк со словами, которые до сих пор не получили общепризнанного толкования и объяснения. Место это таково (стр. 345 и далее):

А уже не вижу волости сильного и богатого
И многовои (ного) брата моего Ярослава
С Черниговскими былями,
(И) с могуты, и с татраны,
И с шельбиры, и с топчаки,
И с ревуги, и с олыберы².

Довольно распространенным является мнение, что былями назывались старейшины, начальники тюркского племени ковуев, живших на границе Киевской Руси со степью, как и то, что могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги и олыберы были частями этого племени. Эти слова, таким образом, были названиями родовых подразделений³.

О ковуях, например, см. Н. А р и с т о в, Заметки об этническом составе тюркских племен, см. Живая Старина. Год шестой, вып. 3—4, СПб, 1896, стр. 428 и др., см. Н. Б р а в и н и И. Б е л я е в. Указатель племенных имен к статье Н. Аристова: Заметки... см. Записки И. Русск. Географ. Общ. по отделению Этнографии, т. XVIII, вып. 2, СПб, 1903, стр. 16. Н. А р и с т о в. О земле половецкой. Киев, 1877, стр. 5. Отд. отт. из Известий Историко-фил. Инст. кн. Безбородко: ковуи... жили приблизительно в бывш. Харьковской и Черниговской губерниях Ср. П. П. И в а н о в, Очерк истории каракалпаков. Труды ИВАН, т. VII, 1935, стр. 12.

¹ Т. е. П. М. М е л и о р а н с к и й, Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игоре». Отд. отт. из Известий Отд. русского языка и словесности Академии Наук, т. VII, 1902, кн. 2, стр. 273—302.

² Ф. Е. К о р ш, «Слово о полку Игоре». Исследования по русскому языку, т. II, вып. 6-й, СПб, 1909, стр. 16. Русская классная библиотека, под ред. А. Н. Чудинова, вып. 1-й, «Слово о полку Игоря». СПб, 1895, стр. 9, 22—23.

³ Ф. Е. К о р ш, Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игоре». Отд. отт. из Изв. Отд. русского языка и словесности АН, т. VIII, 1904, кн. 4, стр. 1—58.

Забегая вперед, спешу предупредить, что по моим этимологиям некоторых из этих слов выходит, что в этом месте «Слова о полку Игореве» имеются перечисления титулов, чинов или, скорее, прозвищ высоких лиц из тюрков, древних соседей русских.

Олбер

Проф. П. М. Мелиоранский пытался объяснить (1904 г., стр. отд. отт. 14—15, т. е. Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве», ответ Ф. Е. Коршу. Изв. Отд. русск. языка и словесности АН, X, кн. 2) это слово олбер из монгольского ölübüg «хворый, слабый здоровьем». Но эта этимология мне кажется совсем неубедительной.

Акад. Ф. Е. Корш уже после своих этюдов с П. М. Мелиоранским, в 1909 г., предположительно, в сноске, со знаком вопроса, в работе о стихотворном размере «Слова о полку Игореве» (стр. 16) напечатал: «тур. алыб ар великий мужича?»

Принимая такое объяснение еще даже до знакомства с этой статьей Ф. Е. Корша, мне хотелось бы посылить обосновать эту этимологию.

Слово олбер в форме alp ar встречается в тюркских памятниках с VII в. Напр., можно встретить эти слова на енисейском памятнике из бассейна Алты-коль (конца VII в.), на памятнике 730-х годов в честь принца Кюльтегина: alp ar, т. е. геройский муж, герой, витязь.⁴

П. М. Мелиоранский⁵ переводил alp ar через «мужественные люди (воины)». Prof. V. Thomsen переводил: *hombres braves* (строчка 40 этого памятника) и (в немецком переводе Н. Н. Schaedera) *tapfere Männer* (ZDMG. Neue Folge, Bd. 3, Leipzig, 1924, p. 153⁶).

В гадательной книге «yrg bitig» приблизительно этого же времени, т. е. VIII—IX в., имеется тоже alp ar (*brave man*, см. JRAS, 1912, I p. 207 и 195).

В большом буддийско-уйгурском сочинении (перевод XV в. с китайского языка) *Altun jarguq* (Золотой блеск) можно встретить неоднократно alp ar в смысле «герой» (см. напр., 213 стр., стрч. 12; стр. 395, стрч., 7 и многие другие места: *Suvargarabhäsa*. Сутра Золотого блеска. Изд. В. В. Радлов и С. Е. Малов)⁷.

Затем, встречаются эти слова в соч. XI в. в «Книге счастья» (*Qutadıyu bilig*) из Кашгарии. Напр.: *jaqu körsä alp ar qyzartur mänziz* (по изд. венской ркпс: *Kudatku—Bilik*. Факсимиле... изд. В. В. Радлова, СПб., 1890, стр. 88, стрч. 32) если увидит герой врагов, то приходит в гнев (делает красным свое лицо). Еще: *bu alp ar kähänci çarig künläri* (там же, стр. 88, стрч. 28) торжество героев это — дни войны. (Сравн. еще 38, 23; 88, 29 и др.)⁸. В это же время у филолога Махмуда Кашгарского можно встретить имя *Topza alp ar*, имя легендарного героя, который, по Махмуду Кашгарскому, среди иранцев был известен по имени Афросиаб (см. указатель к соч. Махмуда Кашгарского С. Brockelmann'a, стр. 250, с. 240 и по турецкому *Endeks'ü B. Atalay*, Ankara, 1943, стр. 855, стр. 829).

⁴ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. I. St. Petersburg, 1894, p. 22—23, III, СПб., 1895, стр. 302 и 332, 319.

⁵ Памятник в честь Кюль-Тегина. Зап. Вост. Отд. И. Русск. Арх. Общ. т. XII, в. 2—3, СПб., 1899, стр. 74.

⁶ V. Thomsen. Inscript. de l'Orkhon... Helsingfors, 1895, p. 110 (см. Mémoires de la Soc. Finno-Ougr. V).

⁷ См. Bibliotheca Buddhica, XVII, 1913—1917. Немецкий перевод В. В. Радлова см. Biblioth. Buddhica, XXVII, Ленинград, 1930. Nach d. Tode d. Übersetzers mit Einleitung von S. Malov herausgegeben, I—III.

⁸ Немецкий перевод см. Dr. W. Radloff. Das Kudatku Bilik. Teil II, St. Petersburg 1900—1910 Сравн. p. 207—208. Еще сравн. Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова. т. II, глб. 801.

Имеется много титулов и личных имен печенежских, команских (половецких), кыпчакских и др. с компонентом *alp* (герой, богатырь): *Alp qaqa*, *Alp arslan*, *Alp quš* и так далее, и дал.⁹

Среди половецких князей упоминается *Alpaq* (см. Г о л у б о в с к и й, Половцы в Венгрии, стр. 13). Есть татарская фамилия Алпаровых. Много собственных личных имен со словом *alp* в «Материалах по истории туркмен и Туркмении»¹⁰.

Но следует у и е перейти к современности. Слова *alp* и *äg* имеются в современных нам тюркских языках (см. Словарь В. В. Радлова), начиная от Якутии (Э. К. П е к а р с к и й. Словарь якутск. языка, стлб. 88, 2145 и др.) и до Турции (Д. А. Магазаник. Тур.-русс. Словарь под ред. В. А. Гордлевского, 1931 г., столб. 64), но в отдельности. В якутском языке слово *alup* входит, напр., в имена шаманских божеств (кенского пола), в имена лесных духов и сказочных богатырей. В татарском языке теперь это слово означает сказочного великана (см. Н. О с т р о у м о в. Словарь татарско-русский. Казань, 1892, стр. 15; ср. А. В о с к р е с е н с к и й. Русско-татарский словарь, Казань, 1894, стр. 10). В сложении же теперь этих двух слов я не знаю. На казахском, напр., языке я встретил эти слова «алп ер» в казахской статье А. Х. Маргулана «Коркыт куйши»¹¹.

Но думаю, что это здесь, возможно, и искусственное употребление казахским ученым этого старого речения. В живом казахском языке слово *äg* (му к, му кчина, герой, богатырь) может являться и первым и вторым компонентом.

Напр, *er batyr*, но можно сказать и *batyr er* (му ж-богатырь) (Словарь В. В. Радлова, I, 753). Или: *Er Tölegen* (герой Толеген), но и *Tölegen er* (см. газету «Соц. Казахстан», от 27 июня и 9 июля 1944г., Стихи Н. Баймуратова¹²).

Перейду теперь ближе от *alup äg* к олыбер.

В настоящее время (XX в.) на северо-востоке Европы мы имеем две группы тюркских языков: 1) группу чувашскую и 2) группу татарскую. Можно предполагать и, думаю, ничто этому не препятствует, что эти две группы тюркских языков были и в очень древнее время, а именно: 1) группа булгаро-чувашская и 2) группа башкиро-мишарская. Древними претставителями, предками теперешних чуваш были булгары волжские и булгары дунайские (в связи болгар, малкар на Кавказе с булгарами мне неизвестно). О болгарском языке мы можем судить по малым оставшимся письменным памятникам и по заимствованным венграми из болгарского языка словам. (Сравн. Проф. К. Н. Д е р ж а в и н. В Болгарии. Из путевых впечатлений. «Ленинградская Правда» от 4 декабря 1945 г., № 282—9317, стр. 2). В татарскую языковую группу для древнего времени можно относить башкир, печенегов, команов или половецв, караимов и кыпчаков. Мне хочется эту группу довольно нейтрально и условно назвать башкирско-мишарской. Башкиры известны у нас с X. в. Мишари, татарская большая группа отличает себя и отличается от общей массы татар по языку и по своему быту и, надо думать, исторически нет препятствий причислить их (т. е. мишарей) к числу народов северо-востока Европы древнего периода.

Терминологией я пользуюсь здесь довольно условной. Я не касаюсь здесь, напр., насколько, в каких процентах, кыпчаки есть половец

⁹ J. Melich. Laborc. Kőrösi Csoma-Archivum, I, 4 (1924), Budapest, p. 268—270. M. Th.—Houtsma. Ein Türkisch-arab. Glossar, 1894, p. 34. M. Fuad Köroglü. Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur. Kőrösi Csoma-Archivum. Budapest, 1938, I, 4, p. 336—337. Считаю нужным здесь отметить, что это последнее сочинение совсем не касается тех слов, которых касаюсь я.

¹⁰ Изд. АН СССР, 1939, т. I, стр. 546. Об «алпах» (героях-богатырях) см. еще Вл. Г о р д л е в с к и й. Государство сельджукидов Малой Азии, 1941, стр. 47, 191 и др.

¹¹ Известия Казахского филиала АН. Серия языка и литературы. Выпуск первый. Алма-Ата, 1944, стр. 70—71.

¹² См. еще Ş a i k . G ö k u y . Dede Korkud. Istanbul, 1938, стр. 127, 161 и 165.

и обратно. И не касаюсь отношения караимов к половцам и кыпчакам¹³.

Во всяком случае Codex Cumanicus (XIII—XIV вв.) есть памятник половецкого языка, написанный где-то на юго-востоке России в монастыре св. Иоанна¹⁴.

А данные так называемого кыпчакского или кыфчакского языка довольно разны по своему времени написания XII, XIII, XIV и XV вв. И географически (восточнее) и хронологически они (кыпчаки) отличаются этим (т. е. географией и хронологией), даже не касаясь их языка, от своих, возможно, и близких сородичей—половцев юга и юго-востока России¹⁵.

Из этих двух групп в чувашской группе теперь можно наблюдать, что татарскому (литературного языка) звуку «а» первого слога в чувашском языке будет соответствовать звук или «и» или «о»—по диалектам, а в татарской группе, напр., в языке башкир, мишарей и мещеряков Урала и татар Урала в первом слоге вместо этого же звука «а» будет «а» более заднее, низкое и лабилизированное (low—back—wide—round) или¹⁶ а (т. е. «а» с точкой внизу) или а (с кружком внизу). См. N. K. Dmitriev. Étude sur la phonétique bachkire. Journ. Asiatique (Avril—Juin) 1927, p. 204, Ср. JA, 1926 (Avril—Juin, p. 312—338).

Напр. at (лошадь) большинства тюркских языков по-чувашски будет ut (или ot). Aı (луна) по-чувашски: oјух или uјух. Ala (пестрый) по-чувашски: ula (или ola).

Зная эти чередования, будет вполне приемлемо, что теперь чувашск. ulār или olār (исполин, степной богатырь, великан, слон) есть алр других тюркских языков, а со словом āg—ег (муж, мужчина) и получится ольбер с озвончением звука «р» между гласными. О чередованиях «а» большинства тюркских языков со звуками «о» и «и» в чувашском языке и вышеприведенные примеры из чувашского языка см., напр.: Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875 г., стр. 18—19. Zoltan Gomboz. Die Bulgarisch—türk. Lehnwörter in der Ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, p. 142—143. Никольский Н. В. Краткий чуваш.-рус. словарь, 1919, стр. 268. Словарь Раасонен'а, Вударест, 1908, стр. 192. Егоров. Чув.-рус. словарь, Чебоксары, 1935, стр. 547. Ашмарин, Н. И. Словарь чув. яз., вып. III, Чебоксары, 1929 стр. 213.

Древне-тюркское слово alpaуи и alpaуit в древне-русских памятниках XIV в. встречается в форме олпауты (мн. ч.) со значением помещик, барин. Я думаю, что это слово имеет этимологическую связь со словом алр.

Интересно, что слово алр и alур в одном тюркско-персидском глоссарии (см. V. Rose. Catal. pers., p. 298, № 117) пишется олр или улр (т. е. с даммой при элифе) со значением воинственный, храбрый, атлет, герой, мужественный (XIII—XV вв.)¹⁷.

¹³ K. Grönbach. Codex Cumanicus in Faksimile herausgegeben. Monumenta linguarum Asiae Majoris, I. Kopenhagen, 1936, p. 7.

¹⁴ Prof. Dr. W. Bang: Über die Herkunft des Codex Cumanicus. Sitz. d. Preuss. Akademie d. Wiss. Phil.-hist. Kl., 1913, p. 244—245.

С. Е. Малов. К истории и критике Codex Cumanicus. Изв. АН СССР, Отд. гуманитар. наук, 1930, стр. 347—348.

¹⁵ Литература по кыпчакскому языку: изд. M. Th. Houtsma, Ah. Cafer oğlu, S. Telegdi—см. С. Е. Малов, К истории казахского языка. Известия АН СССР, Отд. литературы и языка, 1941, № 3, стр. 98—99. Еще см. турецкий перевод (с арабского яз.) соч. Махмуда Кашгарского: Besim Atalay. Divanü lügat-it-türk tercemesi Ancağa (в трех томах) и «Endeks» (Указатель слов), Ankara 1943. W. Bang, см. Keleti Szemle, t. XVIII, стр. 29.

¹⁶ С. Е. Малов. Из поездки к мишарям (О наречии мишарей Чистопольского уезда), Казань, 1904, стр. 22—23.

Н. Ф. Катанов. Краткий татарско-русский словарь... Казань, 1912 г. (литограф.), стр. XIV и XV и др. Ср. Учен. зап. Каз. унив. за 1900; Отчет о поездке... 1898 г., в Уфимск. губ.

¹⁷ Mél. Asiatiques. St. Petersburg, 1892, p. 323 (Bulletin, N. s. II, XXXIV.)

По венгерским хроникам один половецкий вождь носил имя Oluptulma; первая часть этого имени есть olup//alp (великан, великий). В Венгрии есть много слов—географических названий в форме olup или olup в областях Fejér и Győr, и эти слова толкуются венгерскими учеными в значении «великий»¹⁸.

Древне-тюркское слово tat («инородец») употреблялось в Венгрии для обозначения словаков в форме tot (см. Зап. Вост. Отд., XII, в. IV, 1900 г. стр. 0154). В печенежском кладе золотых вещей (из Nagy—Szent—Miklos, в Венгрии) и у Константина Порфирородного некоторые печенежские слова греческими буквами изображены так: 1) Τζοτον (родовое имя), что венгерскими учеными читается как Saban см. KCSA, 1921, I, p. 134. 2) Вouta имья печенежского князя IX в., по Константину Порфирородному Vata. 3) χαρσβοη у Константина Порфирородного, что проф. J. Nemeth и Z. Gombocz читают за Qara bai (богатый)—название печенежского рода, 4) Χοτον какоето высокое достоинство, чин, по J. Nemeth' у печенежское Qapan (или лучше qaban)¹⁹.

Во всех вышеприведенных примерах для меня важно, что некоторые печенежские слова изображены (возможно, самими печенгами) с буквой «о» вместо ожидаемой буквы «а».

Не касаясь правильности толкования печенежских слов J. Nemeth'ом, для меня здесь важно, что J. Nemeth, G. Fehér и др. допускали графическую условность и особенность этих начертаний. Я думаю, что здесь ничто не препятствует допустить (хотя бы частично) и фонетическую обусловленность этих графических «условностей».

Вторым слагаемым в слове олыбер является слово āg, оно весьма употребительно как раньше, так и теперь во всех тюркских языках. Это слово имеет формы: чувашск. ar²⁰, половецк. āg, казах. eg, казан.-татарск. ig (см. Словарь Радлова, т. I, 751, 753, 1456), со значением муж, мужчина, герой.

Таким образом в форме олбер, олыбер можно видеть два тюркских слова alp и eg (муж, герой, богатырь и т. п.).

Возможно, что эти тюркские слова сохранились диалектально в русском языке в слове алабор или олабор (см. Словарь В. И. Даля). Ср. «всякий начальник алаборит по-своему», еще: без-алаберный. Я согласен с поэтом Ив. Новиковым («Слово о полку Игореве», перевод²¹ Ивана Новикова. Общая редакция... проф. Н. К. Гудзия. Изд. «Худ. литература», Москва, 1938, стр. 136—137), последним истолкователем всех тех трудных слов, которых я здесь касаюсь, о связи этих слов, т. е. «олбер» и «олабер», но расхожусь с ним в определении этого слова из тюркского языка, а Ив. Новиков, надо думать, считает его забытым русским словом. (Ср. предисловие Н. К. Гудзия, стр. 15—16, к «Слову о полку Игореве», перевод Ив. Новикова).

Шельбир

Проф. П. М. Мелиоранский, считая шельбир родовым названием тюркского племени ковуев, с некоторыми колебаниями позволил себе сопоставить это слово с калмыцким словом šilbür (арапник, бич) или с монголь-

¹⁸ Géza F e h é r. Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen. KCSA, 1921, I, 2, p. 139—140.

¹⁹ Z. G o m b o c z. Über den Volksnamen besenyő. Tüán, 1918, 4, p. 210. J. N e m e t h. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Scent-Miklos. Budapest-Leipzig. 1932, p. 11, 50 (Bibliotheca Orientalis Hungarica II) Рец С. Е. Малова, см. Библиография Востока, вып. 10 (1936), стр. 168—169.

²⁰ Н. И. А ш м а р и н, Словарь чувашского языка, вып. I, Казань, 1928, стр. 302.

²¹ О переводах «Слова» см. П е т р С к о с ы р е в. Переводы «Слова о полку Игореве», Известия Советов депутатов трудящихся СССР от 23/IV, 1938, ср. там же от 26/V 1938, № 120 (6587), стр. 3. О последнем переводе (издающемся) «Слова» А. К. Югова, см. «Ленинградская Правда» от 19/XII 1945, № 294 (93.9): Акал. А. С. О р л о в, «Выдающийся памятник древнерусской культуры» и беседа с А. К. Ю г о в ы м: «Героическая песнь о походе на половцев»

ским *šilbügür* (весло). (П. М. Мелиоранский, 1902, стр. 14—15)²². Акад. Ф. е. Корш считал, что сближение *шельбир*ов с калмыцким словом *šilbür* (арапник) допустимо, а с *šilbügür* (весело)—очень сомнительно: ковуи—народ сухопутный, а затем акад. Ф. е. Корш считает, что нужно прежде обратиться к тюркскому словарю, а после этого уже к монгольскому. Напр., по его мнению, можно бы подумать о чылбыр — шылбыр (чэмбу) (см. Корш, 1904 г., стр. 39. Ср. Ив. Новиков. Слово..., стр. 135: из русск.: праздный, шатун, бездельник; Ср. здесь в предисловии проф. Н. К. Гудзия, стр. 15—16).

К объяснению слова *шельбир* мне хочется воспользоваться арабским «джелеб» и турецким «челеб» и «челеби», а к последним в свое время (конец XIX в.) был большой интерес среди русских востоковедов (см. Записки Восточного отделения И. Русск. Археол. Общества). Бар. В. Р. Розен (ЗВО, XI, стр. 310: еще два слова о «челеби») писал, что египетские арабы, которые в собственном наречии не имеют звука «ч», в иностранных словах смешивали «ч» и «дж» и, таким образом, напр., произносили одинаково турецкие «челеб» и «челеби» и арабские «джелеб» и «джелеби». Вследствие чего могли перепутаться и значения этих слов, совершенно различных по происхождению.

А слова эти были в большом ходу и употреблении на всем ближнем культурном Востоке.

Переходя от арабов к тюркам в отношении этих слов, следует отметить, что звук «с» большинства тюркских языков соответствует в чувашском (правда, не всегда) звуку *š* или *ṣ̌* (= русск. сь), а в венгерском *s*. Напр. турецк. *şerî* (войско), в уйг. и рунических памятниках письма *šarig.*; казанско-татарск. (редкое слово) *širei*, чувашск. «сяра» (Золотницкий, Н. И. Корневой..... словарь, стр. 253) или «*šar*», «*šarā*» (Горюхов, Чув.-русск.-словарь, стлб., 443); старо-чувашское или булгарск. **šarik* (Z. Gombocz. MSFOugr. XXX, стр. 183). Или еще: татарск. *šäške* (зверь—норка) соответствует чувашскому *šäška*, или (конечное *ṣ̌*): татарск. *ič* /пить/ = чувашск. «*чи*, *биш*» (Н. И. Ашмарин. Материалы для исследований чувашск. яз. Казань, 1898, стр. 101). Чередования *ṣ̌/š* в кыпчакском языке замечаются уже давно, судя по грамматикам этого языка на арабском языке, вопреки мнению проф. П. М. Мелиоранского (1904—5 г., Вторая статья..., стр. 2—3, 21). В настоящее время татарский, напр., «*ṣ̌*» соответствует и казахскому «*ṣ̌*»²³. В кыпчакских грамматиках (XIV—XV вв.) очень много слов, где вместо ожидаемого «*ṣ̌*» пишется *š*, а можно думать, что это не только условная графика, а и произношение—«*ṣ̌*».

Таким образом надо считать, что чередования и замены в некоторых тюркских языках и диалектах смычно-взрывного «*ṣ̌*» («*ṣ̌*» и «*ṣ̣̌*») приглушенными (*š* и *ṣ̣̌*)—явление закономерное и очень, и очень давнее.

Теперь посмотрим значение этих слов «*челеб*» и «*челеби*».

Из истории Мекки Кутбеддина (Зап. Восток. Отд., XI, стр. 307—308: В. Т и з е н г а у з е н . К вопросу о слове *челеби*) можно узнать о «*челеб*», что невольники, привозившиеся из южной России в Египет на службу мамлюкских султанов, сначала поступали пехотинцами в отряд *джелебов*, получали особый костюм, обучались чтению, письму, Корану, юриспруденции, метанию стрел и наездничеству, а потом, после выучки, исподволь становились не только эмирами, но иногда и султанами. Таким образом, слово это, *джелеб*, могло быть и прозвищем людей, занимавших видное

²² Ср. печенежские родовые названия: J. N e m e t h . Die Inschriften...; здесь в приложении есть глава: Die Sprache der Petschenegen und Komänen, p. 50—51. Е го же, Zur Kenntnis der Petschenegen. KCSA, I, 3 (1922), p. 219.

²³ С. Е. Малов. К истории казахского языка. Изв. Отд. литер., и языка АН СССР, 1941. № 3, стр. 93, S. T e l e g d i . Eine türk. Grammatik in arab. Sprache aus dem XV Jahr. Körösi Csoma-Archivum, 1937, Budapest, 1, 3, стр. 286, 308—309. Z. G o m b o c z . Über d. Volksnamen besenyö. Turan. 1918, 4. Sz. p. 211.

положение. Джебел это (буквально)—доставляемый для торговлитовар (скот, рабы). Ср. монг. «джалаву» — альеммлюк (невольник), см. Араб филолог о монгольском языке П. М. Мелиоранского, СПб, 1903, стр. 133. Ср. еще монг. *zalaqu* юноша, молодец и т. п. А (турецкое) слово челеб и челеби значит бэг, божественный, принц крови, титул старшего сына в семье; вообще: господин, барин, благородный, образованный (Л. Б у д а г о в . Сравнительный словарь..., т. 1, стр. 484. Д. А. М а г а - з а н и к . Турецко-русский словарь, Москва, 1931, столб. 197). Теперь,—äг (герой, му к) в западно-тюркских языках в старое время можно предполагать было в форме *ig*. Так это слово звучит и теперь в казанско-татарском языке (Русско-татарск. словарь, Казань, 1938, стр.290). Еще могу привести из времени гуннов название западно-тюркского племени *äxätzi* или *äxätzi* (по свидетельству Приска V в.), т. е. *aγas igi* му ч и, леса, лесные люди, еще: по Рашиду ад-дину (XIII—XV вв.) «*zayaçiri*», см. В. В. Рачлов. К вопросу об уйгурах, СПб, 1893, стр. 108—109, сравн. стр. 36. КСsA. 1939, стр. 522—523. Можно думать, что эти два слова «джебел» и «челеб» контаминировались и фонетически, и семантически. Оба слова стали произноситься в тюркской среде «челеб» и в словении со словом äг в западно-тюркском звучании как *čeleb ig*, а затем в болгарско-чувашиской среде *šeleb ig*, *šelebir*, *šelbir* в значении какого-то военного чина или прозвища. Я не связываю это слово «шелъби» со старым русским словом «шелеп» (см. напр., это слово в соч. Н. С. Лескова или у М. Е. Салтыкова-Щ:трина: Школьная библиотека. Избранные произведения, Чебоксары, 1941, стр. 297), которое объясняется, по справке от чл.-корр. В. И. Чернышева, как какое-то орудие пытки или наказания, род кнута.

Топчаки

При моем толковании почти всего вышеприведенного места из «Слова о полку Игореве» у меня, главным образом, получаются все названия чинов высших лиц или их прозвища, а потому мне более всего кажется неприемлемой имеющаяся этимология топчаков. По Ив. Новикову, в его пояснениях к стихотворному своему переводу «Слова о полку Игореве» (Москва, 1938, стр. 135—136), он производит это слово от русск. топтать: топчаки это—пешее войско, бродяги. А проф. П. М. Мелиоранский, считая топчаков родовым подразделением тюрков—ковуев, этимологизировал топчак, как тюркское нарицательное, означающее особой породы лошадей (М е л и о р а н с к и й П. М., 1902, стр. 14—15). Акал. Ф. Е. Корш считает эту этимологию бесспорной (Корш, 1904, стр. 39). Я же, продолжая свою линию, хотел бы видеть и в топчаках какой-либо титул, звание или, скорее, военное прозвище. Напр., нельзя ли думать, что здесь имеется что-либо похожее на *topçu* ~ *topçu* (турецк., уйгурск.) пушкарь, артиллерист. Ср. еще чувашск. *tě čěk* наследник, младший сын, наследующий отцовский дом и имущество (Е г о р о в , Словарь, столб. 509); киргизск. *tartap*—быть во всеоружии (см. К. К. Ю д а х и н . Кирг.-русс. словарь, Москва, 1940 стр. 484).

Мои эти параллели указывают только на то, что я желал бы тут видеть, а не «особой породы лошадь», что видят другие.

Ревугы и могуты

Акад. Ф. Е. Корш уже предположил, что ревугы—испорченное слово «ärbügä» из äр мужчина и бүгä молодец, богатырь?» (К о р ш , 1904, стр. 39), очевидно, имея в виду чагатайск. и ново-уйгурск. *bökä* (силач, борец), тур. *bükä* (атлет, борец) см. Л. Б у д а г о в . Сравн. словарь... 1, 286), алтайск, телеутск. *mökö* и *рökö* (сильный, мужественный); (см. В. В е р б и ц к и й . Словарь, Казань, 1884, стр. 204 и 267. Ср. Словарь В. В Р а д л о в а ,

т. IV, 1906—1911., столб. 1693—1877). В монгольском яз. тоже имеется это слово с таким же значением: böke сильный, крепкий²⁴.

Мне хочется уточнить и дополнить эту этимологию. К тюркским данным можно прибавить bögü (или bögü) герой, мудрый, ведун из памятников рунического (Памятник Тоньюкука, стрч. 34, 50) и уйгурского письма. Есть даже это слово с определением tängri—божественный (USpr. № 26), весьма употребительным это слово является и в памятниках манихейских (напр. Manich. III, p. 28) и буддийских (Suvarṇarabḥāsa, изд. уйг. рез. В. В. Радлова и С. Е. Малова, 89, 9, 166, 15). (См. об этом слове еще несколько и дальше). По толкованию Ив. Новикова («Слово о полку Игореве», 1938 г., стр. 134—135) ревугы это крикуны, горланы. Я придерживаюсь тюркской этимологии. П. М. Мелиоранский этимологизацию ревугов из āg buça считает несколько смелой (М е л и о р а н с к и й, 1905, стр. 20).

Могуты по Ив. Новикову (Москва, 1938, стр. 133) это—«которые многое могут». Это толкование было и раньше, см. напр., «Слово о полку Игореве». Перевод, примечания.... В. А. Келтуяла (изд. 2, 1929 г., стр. 54). В издании «Слова» Akademia могуты поясняются как вожди (Слово..., 1934 г., стр. 70) и властители (стр. 285). И. И. Срезневский пишет в своих «Материалах для словаря древнерусского языка»²⁵, что слово «могут» занято в русский язык... с юга, встречаясь преимущественно в памятниках церковно-славянских». И. И. Срезневский приводит и греческий эквивалент этого слова — δουράται.

В «могутах» я вижу тюркское—же bögü, но только это не просто «сильный» или «знающий», нет,—это прилагается иногда к высоким по рангу лицам, и это слово bögü сливается с тем или иным высоким титулом как бы в одно целое (парное?) слово. Напр., bögü qaḡan (памятник VII в. Тюнюкука, стрч. 34), bögü ilči мудрый посланник (Книга счастья, XI в.), bögü bilgä (там же, КВ. II р. 42) мудрый и разумный, а bilgä еще употреблялось и в смысле управитель, князь, начальник, сравн. ойротск. ril- (управлять, начальствовать).

Конечный же звук—t в «могут» (ы) я считаю окончанием старого тюркского множественного числа, которое встречалось в титулах и чинах в памятниках тюркской письменности V—X вв. Напр. tigin, мн. число tigit принцы («Золотой блеск», стр. 619, стрч. 6); alpaḡut какой-то высокий чин (мн. ч.), см. «Золотой блеск», 636, стрч. 11, есть это и в хотанско-иранских текстах JRAS, 1939, p. 88: Н. W. В a i l e y. Turks in Khotanese Texts. Ср. ед. ч. alpaḡu (памятник Кюль-Тегина, стрч. 47); Ед. ч. tarḡan (тархан), мн. ч. tarḡat (малый памятника Кюль-Тегина, стр. 1). Таким образом bögü—t мн. число, но у нас, ведь, в «Слове о полку Игореве» не богуты, а могуты. Чередование «b (p)—m» в тюркских языках весьма закономерное явление и для этого слова мы имеем еще формы с «m»: mögö (сильный) в сагайском и койбалском наречиях хакасского языка (см. Словарь Радлова, IV, стлб. 2129) и в ойротском яз. «мөккө» и «пөккө» (Словарь В. Вербицкого, стр. 204 и 267). И как раз там, где ожидалось бы mögö или mögü, т. е. в половецком языке, мы имеем bögü. Этим словом переводится в христианском символе веры слово «пророк»: bögüldän ulam sözlär turur (он всегда говорил через пророков), см. Codex Cumanicus, л. 74-й об. по изд. К. Grönbeck'a, 1936 г., Dr. W. R a d l o f f. Das türkische Sprachmaterial des C. C., 1887, p. 76, 109; G e z a K u n . Codex Cumanicus—Budapestini, 1880, p. 212, ср. 303. Можно, конечно, предположить, что в древнее время в каком-либо западном тюркском языке можно было бы встретить форму* mögü (сильный, герой и пр.), мн.ч.* mögüt (сильные, герои), а конечное «ы» уже русское окончание множественного числа.

В переводе «Слова о полку Игореве» на казахский язык (Игорь полкы

²⁴ Я Ш м и д т, Словарь... 1835, стр. 120. А. Б у р д у к о в, Русско-монгольский словарь 1935, стр. 262.

²⁵ т. II, СПб, 1902, стлб. 161.

туралы сѡз. Перевод и комментарий С. Муканова. Алма-Ата, 1941) все эти слова, которых я здесь касаюсь, оставлены без перевода (стр. 27), но с пояснением (стр. 47), что это—различные соседившие и враждовавшие тогда с Россией тюркские племена; причем еще совсем бездоказательно прибавляется, что топчаки—возможные кыпчаки, а татраны, возможно, татары.

К перечислению здесь, в «Слове», тюркских военных титулов и прозвищ можно было бы указать еще из древней русской литературы на повесть «о Мамаевом побоище» (XIV—XV вв.), где мы имеем (по справке М. Д. Мальцева): «и прииде князь Федор Семенович..., князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемский и Андомский, князь Глеб Карголомский и Ярославский и приидоша князи со всеми силами, князь Ондрей Ярославский, князь Лев Серпский, князь Дмитрий Ростовский и инѣ многие князи» (см. С. Ш а м б и н а г о Повесть о Мамаевом побоище. СПбург, 1906 г., стр. 11, тексты. Сборн. Отд. русского языка и словесности Имп. АН, т. LXXXI, № 7). И далее в текстах же, на стр. 35 можно читать перечисление того, «колких у нас воевод нет и колких молодых людей: бояринов московских, серпоховских, панов литовских, бояринов переславских, бояринов костромских, бояринов володимерских и т. д.

Коган-каган

Проф. П. М. Мелиоранский (1902 г., стр. 18) считал, что в двухсложных тюркских заимствованных русскими словами гласные «а—а» систематически заменялись чередованием «о—а», напр. товар из тавар (Русская Правда, XI в.), боян из баян и др. Но для такого ряда слов (хотя бы не всех) возможно и другое объяснение этих чередований. Нельзя ли видеть здесь не замену тюркского гласного «а» русским «о», а прямое заимствование этого звука «о» из старых тюркских языков востока Европы (см. выше). Напр., каган—так это слово звучит по Лаврентьевской летописи и Новгородской под 965 г., а также в «Слове о законе и благодати».

В «Слове о полку Игореве»—коган. П. М. Мелиоранский пишет (СПБ., 1906 г., стр. 12. Отдельн. отт. из Известий Отд. русского языка и словесности Имп. АН, т. X, 1905, кн. 4, стр. 109—134. Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности до монгольского времени): «каган форма наиболее близкая к турецкому (тюркскому, С. М.) произношению «каган». Но имея в виду мишарск. (мещерякское) и у татар Урала «а» первого слога и чувашск. «о—и» на месте («обще-») татарского «а», естественна, по-моему, и форма qoγan.

Боярин

Подводя итоги своим рассуждениям о слове боярин (и болярин), акад. Ф. Е. Корш писал (1906, стр. 20)²⁶: «относительно этого слова мы с проф. Мелиоранским находимся, очевидно, в одинаковом положении: ignotus».

Это, вот, позволяет и мне выступить со своими предположениями и догадками. Акад. Ф. Е. Корш считает слово «боярин» тюркским. Причина—в невозможности его производства откуда бы то ни было, кроме тюркских языков, имеющих и корень бай (богатый, знатный) и приставку «ар». Есть от этого слова и много производных (там же, стр. 21).

А проф. П. М. Мелиоранский думает, что так как слово bajar (кокандск., туркменск., казан-татарск., башкирск.) в значении «господин, вельможа» встречается в очень немногих современных тюркских языках и неизвестно в литературных языках и древних памятниках письма, то это слово, ве-

²⁶ Ф. Е. К о р ш, По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве», СПб, 1906, стр. 20. Отд. отт. из Изв. Отд. русского языка и словесности АН, т. XI, 1906, кн. 1, стр. 259—315.

роятнее, некоторые тюркские племена заимствовали у русских, чем древние руссы у тюрков. Весьма возможно, пишет П. М. Мелиоранский, что в некоторые тюркские языки это слово попало сравнительно давно, т. е., например, в XVII или даже в XVI веке (Мелиоранский П. М. Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве», СПб, 1905, стр. 17. Отд. отд. из Изв. Отд. русского языка и словесности Имп. АН, т. X, 1905, кн. 2, стр. 66—92. Сравн. Мелиоранский, 1902, стр. 11—12).

Я частично соглашаюсь с этими обоими мнениями.

Это слово «боярин» в основе тюркское (по Ф. К. Коршу), но в форме «баяр», возможно, заимствовано так (вторично) тюрками от русских (по П. М. Мелиоранскому).

Я постараюсь продолжить путь акад. Ф. Е. Корша: корень «бай» (богатый, знатный) и наставка—«ар» (Корш, 1906, стр. 21). Все это у акад. Ф. Е. Корша высказывается предположительно и без всяких доказательств из области фонетики и других. В слове «боярин» первую часть я, как и Ф. Е. Корш, считаю словом «бай», но только в болгаро-чувашиской старой форме. Половецкое и татарское *baï* соответствует чувашскому *rijaп* и *rojaп* (Н. И. Золотницкий. Корневой чув.-русс. словарь, 1875, стр. 54), предположительно в древне-тюркском западном языке (диалектально) **boï* (**buï*). Ср. чувашск. *roï*— и *ruï*—богатеть, *ruit*—обогащать и другие слова этого корня в словаре Н. И. Ашмарина (вып. 9, Чебоксары, 1935, стр. 254—255. Егоров В. Г., Словарь, 1935, столб. 369—370).

То, что акад. Ф. Е. Корш назвал наставкой «ар», по-моему, является тем же словом *är* (муж, мужчина; герой, богатырь), которое уже было у меня неоднократно при объяснении и других слов (см. выше). Это слово *är* часто применялось и в древности, судя по памятникам письменности, и в современных тюркских языках—в титулах и в личных именах.

Кроме вышеприведенных примеров, можно еще здесь сообщить: *bäg är* (енисейск. памятники). Из древне-уйгурского языка см. слагаемые со словом *är* в «Памятниках уйгурского письма», стр. 265. В киргизск. яз. *Eg qudaï* (фолькл.) см. К. К. Юдахин, Кирг.-русс. словарь, Москва, 1940, стр. 230, еще *Eg Manas* (герой Манас), в казахск. яз. *Eg Tarjun* и *Tarjun eg*, *Eg Nazar*, *Eg Töštük* (Г. Н. Потанин. Казак-киргизские и алт. предания. Жив. Старина, XXV, 1916, вып. 2—3, стр. 194, Петроград, 1917).

Интересно, что оба слова эти «бай» и «эр» имеются в гадательной книге (IX в.) руническим шрифтом: *baï är* (богатый человек, богач²⁷). Итак, прилагая это слово *är* в его чувашском звучании «ар» (Словарь Н. И. Ашмарина, вып. 1, Казань, 1928, стр. 302) получим *boï*—*ar* и русское окончание—ин: боярин.

Быля

Мне приходится коснуться этого слова только вскользь, так как я ввожу его в этимологию слова «боярин».

П. М. Мелиоранский заметил, что слово «быля» и его тюркский прототип не следует смешивать с «боярин», так как «болярин» есть позднейшая уже искаженная на русской почве форма этого слова, и, кроме того, конечный «р» (боляр) при прототипе «боля» все таки является необъяснимым («Мелиоранский, 1902, стр. 11—12). Акад. Ф. Е. Корш и проф. П. М. Мелиоранский считали прототипом слова быля (вельможа, боярин) древне-тюркское слово *boïla* или *buila* (графика,—тюркские руны, позволяют это двоякое чтение), но преимущественно читаемое тюркологами за *boïla*. Из живых тюркских языков я предполагаю существование этого слова в ойротском языке, где в фольклоре можно встретить «Эльчи-быля (эльчи-

²⁷ V. Thomsen. Dr M. A. Stein's Manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-huang. JRAS, 1912, 1, p. 201.

байла)», см. Н. П. Дыренков а. Грамматика ойротского языка (Изд. АН СССР, 1940, стр. 288). Все старания акад. Корша и проф. П. М. Мелиоранского шли на то, чтобы сделать понятным фонетический переход от *boila* к «быля», что им так и не удалось. Я думаю, что нет препятствий считать, что это слово *boila* греки могли услышать прямо от тюрков, и мне неизвестна причина, по которой Ф. Е. Корш считает, что тут понадобилось посредство южных славян (Корш, 1904, стр. 38—39). В Константинополе уже в VI в. было посольство от западных тюрков «туго», и из Константинополя к тюркскому хану Дизавулу ездил послом от греческого императора Земарх. Мне хочется думать, что от тюркского слова *boila* в русском языке получилось два разных слов: быля—употреблявшееся, думаю, более в широкой народной массе, более в разговоре, чем в письменности и более «правильная» форма боля (из *boila*) с опять-таки известным уже словом *äg* (муж) и с русским окончанием-ин. А без этого окончания-ин, слово это (или слова эти) в форме «болер» (муж, боярин) встречается в Житии Симеона Столпника, XIII в., см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского словаря, т. 1, 1893 г., стлб. 144 (по справке проф. Б. А. Ларина).

И мнения звуков *il*, *jl* || *li*, *lj*, *ig* || *gi* очень вероятны и распространены. Напр. сербск. *barjat* мал. *barjat* = турецк. *bayram* (праздник) или: турецк. *qıyıq* (хвост), сербск. *kučjuk* жезская коса. О бойла и буйла с их византийскими и славянскими отражениями см. Ф. Е. Корш. По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского «О турецких элементах в языке Слова о полку Игореве» СПб, 1906, стр. 22—23 (См. Изв. Отд. русского языка и словесности Имп. АН, т. XI, 190, кн. 1, стр. 259—315). Форма «боля—(а)р—ин» употреблялась преимущественно в книжном, письменном церковно-славянском языке. Интересно сопоставить с точки зрения этимологии слова «боярин» и «бояляин». Боярин—это социальная ступень не очень высокая, но обладающая, прежде всего, богатством (*bai*), и другая, которую мы имеем в слове «бояляин» (*boila*), это—вверх по социальной лестнице, высокий чин служилого человека. Так это было и раньше, судя по тюркским руническим памятникам XIII в. (*boila*). Мои этимологии и переводы слов несколько не нарушают хода мысли «Слова о полку Игореве»: сначала идет перечисление войсковых чинов, скорее прозвищ, тюркских племен, а затем—и об их войсковых отваге и храбрости: «тии бо без щитов с засапой ники кликом полкы побеждают, звонячи в прадедную славу». (Русская классная библиотека, под ред. А. Н. Чудинова, 2-е изд., СПб, 1895, стр. 9—10 и 23).

А. С. Пушкин, исходя из однородности и целостности языка «Слова о полку Игореве»,—этого величайшего памятника русского героического эпоса XII в., не считал возможным допустить подделку такого памятника в более позднее время (см. его Замечания на «Песнь о полку Игореве»). Я, воспользовавшись этой мыслью нашего гениального поэта, хочу сказать, что употребления вышеупомянутых тюркизмов в тонком и точном, по нашим теперешним научным данным, фонетическом звучании древнего времени и с их старыми значениями, могут вполне быть отнесены к XII в.—ко времени составления «Слова о полку Игореве». Я не могу себе представить, чтобы можно было впоследствии выдумать кому-либо эти слова или восстановить их равную природу, так как для этого понадобились бы громадные тюркологические знания, о которых ничего не известно в истории тюркологии. Невозможно было выдумать так правдоподобно и научно-образно эти тюркские слова, над которыми столь много задумывались ученые востоковеды XX в. и которые составили теперь содержание моей статьи с пышной попыткой их истолкования²⁸.

²⁸ Ср. В. Данилов. Поэма о любви к родине, «Пенинградская Правда» от 24/V 1938, № 117 (7005), стр. 3. Здесь и др. статьи под общим заглавием «750-летие «Слова о полку Игореве».